

*Посвящается моей бабушке, Кэтлин Сабо.
Она говорит, что не любит книги про
оборотней, но все равно мною гордится.*

Он это объясняет тем, что для магната честь ро-
дины, дома и имени — его личная честь, победы на-
рода — его слава, судьба народа — его участь.

— Б. Стокер, «Дракула»¹

Вот ваша карта — Утопший Моряк-Финикиец
(Вот жемчуг очей его! Вот!),
Вот Белладонна, Владычица Скал,
Примадонна.
Вот Несущий Три Посоха, вот Колесо,
Вот Одноглазый Торговец, а эту карту
Кладу рубашкой, не глядя —
Это его поклажа. Что-то не вижу
Повешенного.

— Т. С. Элиот, «Бесплодная земля»²

¹ Пер. Н. Сандровой, А. Хохрева (*Здесь и далее — прим.
ред.*)

² Пер. С. Степанова.

ПРОЛОГ

Где-то в глубине ночного леса бежит мальчишка. Я ничего не чую, в отличие от моей сестры Лумы и нашего кузена Риса, — ни пота, ни страха. Но я его слышу, как слышу хруст веток и шорох листьев под ногами. Он бежит из березняка в сосновую рощу. Слышу, как бежит кровь в его жилах, отчаянные рыдания, которые он пытается сдержать, как старается не оступиться на незнакомой тропе.

Другой наш кузен, Чарли, тоже здесь, стучит новыми ботинками по каменистому руслу реки. Он еще юн и неуклюж, но не обделен другими талантами. Как и Рис с Лумой — они сменили облик, как только мы вышли из дома, и теперь бегут на четырех лапах, так тихо, что мои уши не способны уловить их шагов. Я оставила ботинки на крыльце, и сосновые иголки похрустывают под моими босыми ступнями, но я уверена, что все слышат, как бешено колотится мое сердце.

Стоят весенние сумерки. Тонкий ломтик полумесяца рогами вверх висит в небе.

Мальчишка выбегает на поляну, заросшую высокой травой и испещренную норками мелких зверьков. Вот он — переломный момент. Нога мальчика

попала в кроличью нору, и он падает. Я смотрю ему за спину, оглядываю поляну, пока не замечаю пару горящих глаз. Рис приподнимает подбородок и рычит. *Пора.*

Мы тут же сходимся: Рис справа, я слева, а Лума набрасывается на жертву сзади и толкает передними лапами. Под ее весом мальчик падает на живот и катится по земле. Мы ждем, пока он поднимется, и он хватается за мокрую траву, пытаюсь перевернуться и встать.

Чарли, спотыкаясь, выходит из тени и сгибается пополам, пытаюсь отдышаться. Мальчишка ползет к Чарли. Говорит ему, чтобы тот бежал. Но потом переводит взгляд на нас и понимает, что Чарли не боится. И начинает молить его о помощи.

Рис с Лумой зубами хватают мальчика за лодыжки, а я прыгаю ему на спину и сажу так, пока они не утаскивают его в темноту. Мальчик все молит о помощи нашего кузена. Наконец, Чарли глубоко вздыхает и выпрямляется. Поправляет очки на носу и рысцой бежит за нами. Лес все ближе.

— Неужели вам это не надоело? — спрашивает Чарли, не обращая внимания на крики мальчика, умоляющего нас его отпустить. — Разве вам не хочется сыграть во что-нибудь другое?

Рис на мгновение выпускает из зубов лодыжку мальчика и кивает в сторону Чарли, улыбаясь уже человеческим лицом.

— Нет, — говорит он.

Мы тащим мальчишку в тень, под одну из огромных сосен. Со стороны дома слышится крик:

КАКИЕ БОЛЬШИЕ ЗУБКИ

кто-то зовет нас. Судя по звуку, пришедший к нам в гости банкир заметил пропажу сына.

— Что будем с ним делать? — спрашивает Рис.

— Сварим из него суп, — отвечает Лума. На самом деле она терпеть не может суп, но мальчик, явно не оценив шутки, начинает всхлипывать громче.

Чарли все так же суетится, оглядывается по сторонам.

— Я сделаю так, чтобы он ничего не помнил. Иначе у нас будут неприятности.

— Погоди. — Я поднимаю руку. Меня охватывает новое чувство: как будто внутри меня разверзается маленькая голодная пустота. — Кажется... я хочу его съесть.

Рис хлопает меня по спине, а Лума взвизгивает от удовольствия. Никогда прежде мне не хотелось никого съесть, и они мной гордятся.

— Вот только нельзя, — быстро говорит Рис.

— Мы обещали бабушке, — добавляет Лума.

— Ладно. — Я опускаю ладони на плечи мальчика и собираюсь встать. Тем временем мой рот широко раскрывается, словно я зеваю, хотя я ничуть не устала. — Давайте тогда...

И вдруг происходит нечто странное. Я сижу на опавших сосновых иголках, челюсть невыносимо болит, а мальчика нигде нет.

I

Я открыла глаза и увидела, что я в поезде. Из пассажиров осталась только я одна. Как долго я спала? Я посмотрела вниз, чтобы убедиться, что все на месте: соломенная шляпа, чемоданчик со штампом в виде буквы «З». Я весь день не выпускала их из рук: когда спала на скамеечке на станции Пенн, когда бежала на бостонский поезд — ни на секунду с тех самых пор, как вчера в это же время вышла за порог школы святой Бригит для юных леди. Размышляя об этом, я снова провела языком по зубам. Сколько бы раз я этого ни делала, медный привкус никуда не девался.

Дверь в дальнем конце вагона с грохотом распахнулась, и я вздрогнула. Но это всего лишь кондуктор шел ко мне между рядов, хотел что-то уточнить. Он нервно посмотрел на меня сверху вниз, и я ощутила укол вины: вдруг он понимает, что я в бегах?

— Это вы выходите в Уинтерпорте? — спросил он. Я кивнула. Его взгляд опустился на мой чемодан.

— У вас там родственники живут? — продолжал он. — Я сам из Ханнафинов.

КАКИЕ БОЛЬШИЕ ЗУБКИ

Такие уж люди здесь обитают, я мигом это вспомнила. Первым делом пытаются все разузнать о твоей семье.

— Я — Заррин, — отозвалась я.

Он вздрогнул, словно кролик, но тут же взял себя в руки.

— Я так и предполагал, — сказал он. — Ваши редко выезжают за пределы Уинтерпорта, да?

— А я уехала, — сказала я. — И не возвращалась вот уже восемь лет.

Едва сказав это, я застыла в ужасе, предвосхищая вопрос о том, зачем же я вернулась теперь. И принялась отчаянно копаться в мыслях, пытаюсь придумать убедительную ложь. Но кондуктор только натянуто улыбнулся и коснулся своей шляпы.

— На станции мы только замедлим ход, остановки не будет, — сообщил он. — Не волнуйтесь, это нормально. После первого свистка приготовьтесь.

Он ушел, а я повернулась к окну и какое-то время разглядывала пейзаж. В Мэриленде уже почти наступило лето, но, когда поезд с грохотом мчался по мосту, отделявшему Нью-Гэмпшир от штата Мэн, я углядела несколько упрямых снежных пятен под соснами. Я была зла, когда садилась в поезд, и моя злость подстегивала меня. Но я постепенно остыла, и гнев кристаллизовался в страх. Может, для того, чтобы я покинула дом, были веские причины. Я испытывала смутное полузабытое чувство, будто там не вполне безопасно. Все казалось мне тусклым и каким-то несуразным. Я словно по очереди подносила предметы к свету, но все они выглядели

ненастоящими. Но если это правда, если я права, то мне нужно вернуться домой.

В конце концов, нигде больше в этом мире нет для меня места. После того, что я натворила.

На мгновение в моих мыслях мелькнула Люси Спенсер. Выбившаяся из косы рыжая прядь, гримаса, какая обычно искажает лицо человека за мгновение до крика...

И тут раздался свисток. Кондуктор велел готовиться. Я взяла чемодан и надела шляпу. Пора встретиться с семьей.

Когда поезд сбавил скорость, кондуктор вернулся, чтобы открыть мне дверь. Он не смог даже посмотреть мне в глаза. Пробормотал что-то вроде: «Осторожней там», — и вот мы уже с грохотом проезжаем возле платформы, и я выхожу на свежий воздух.

Я ощутила дрожь, это тошнотворное чувство, словно мир летит мне прямо в лицо. Я пошатнулась, ударилась коленом о деревянную платформу, пока поезд гремел у меня за спиной. Я отползла подальше от рельсов с таким ощущением, будто попала в аварию. Поезд ехал быстрее, чем мне казалось изнутри вагона.

Я запретила себе быть слабой. Убедилась, что кожа на колене цела; мне не хотелось, чтобы кто-нибудь здесь видел мою кровь. Я поднялась на ноги, проверила, не порвалось ли пальто, и помедлила секунду, прежде чем подобрать багаж.

Платформа выглядела заброшенной. Позади нее единственная мощеная улица в городе изгибалась, словно согнутая в локте рука, тянувшаяся из океана.

КАКИЕ БОЛЬШИЕ ЗУБКИ

По обе стороны изгиба возвышались дома. Вдоль берега виднелись пирсы, где на волнах покачивались пришвартованные рыбацкие лодки. Солнце опускалось за заросшие лесом холмы, и город то купался в красных лучах, то вновь окунался в тень. На улице я увидела троих мальчишек, они стояли на коленях, с их спин свисали потрепанные пальто с чужого плеча.

Я вдруг заметила, что пристально разглядываю мальчиков, словно приклеившись к ним взглядом. Они ковыряли мостовую палкой, пытаюсь поддеть камень. Один из них поднял голову, увидел меня и застыл. Я наблюдала за тем, как он тихонько протянул руку к земле, как будто думал, что я не увижу этого, если он будет действовать достаточно медленно. Его грязные пальцы несколько раз поскребли по поверхности камня, пока не сомкнулись на нем. Я видела, как мальчишка крепко сжал камень, как напряглись его плечи. Я тоже насторожилась и слегка опустила голову, готовясь пригнуться или броситься вперед. Он словно знал, кто я такая. Словно знал, что я наделала.

— Эй ты!

Из какого-то магазинчика, размахивая тростью, выскочил старик. Мальчишки тут же сорвались с места и бросились врассыпную по мостовой.

Я вздрогнула — так вздрагивает человек, которого внезапно разбудили. Старик для вида погрозил тростью вслед убегающим, но, похоже, уже и думать о них забыл. Он повернулся к платформе и посмотрел на меня, прикрыв глаза ладонью от солнца, чтобы лучше видеть. Я заковыляла ему навстречу.

Старик сутулился, глаза затуманились от возраста, а на шее белел пасторский воротничок.

— А, юная Элеанор, — сказал он.

— Я... прошу прощения, — сказала я. — Кажется, мы не знакомы.

— Отец Томас, — представился священник. — Ваша бабушка не хотела знакомить нас с вами, пока вы не подрастете. — Говор у него был такой же скрипучий и резкий, как у кондуктора. — Но я все о вас знаю. — Он подмигнул.

Я покраснела, сама толком не зная, отчего, и подумала: что именно он может знать обо мне?

— Что ж, спасибо, что вы их... прогнали.

— Это моя работа. Я пастор в уинтерпортской церкви Святого Антония. Я здесь для того, чтобы помогать заблудшим душам. — Он усмехнулся себе под нос. — Вам подсказать дорогу к дому?

— Думаю, я помню. Что это были за мальчишки?

— Ах, это. Просто городские дети, — ответил священник. — Они не понимают, что вы не опасны. Полагаю, их желание бросать камни в Зарринов обусловлено инстинктами.

От его будничного тона у меня пробежали мурашки. Но ведь я и сама знала, что моя семья опасна, так почему я удивляюсь, что другие люди тоже это понимают?

— Вряд ли они ждут меня, — сказала я. — Они рассердятся?

— Заррины всегда не в восторге от неожиданных гостей, — сказал он. — Но вас они ждут. Ваша бабушка сегодня утром прислала ко мне Маргарет с запиской, в которой просила встретить вас.

КАКИЕ БОЛЬШИЕ ЗУБКИ

Этого я не ожидала.

— Я пройду с вами до церкви, — добавил он.

Отец Томас предложил понести мой чемодан, но я сказала, что справлюсь. Он зашагал рядом со мной, прихрамывая и опираясь на трость. Пока мы шли, меня не оставляло чувство, будто тут и там за нами кто-то наблюдает: то шевельнется кружевная занавеска на окне, то что-то прошелестит, словно кто-то только что пригнулся за изгородью. Это было почти смешно. Но, когда мы приблизились к обшитой выцветшими досками церкви и отец Томас пошел по тропинке прочь, а потом исчез за дверью, все веселье улетучилось. Я осталась одна.

На краю города дорога начинала подниматься едва ли не вертикально вверх по крутому склону холма и утопала в серебристых березовых зарослях. Подъем был не из легких; чемодан бил меня по ноге, на которой уже темнел синяк, и я взяла его в обе руки. Ветер шумел между деревьями, насквозь продувая мою форму, и я так замерзла, что дрожала не переставая.

Какое-то время следом за мной ползла машина, пока не проехала мимо на возвышенности, где дорога расширялась. В школе автомобили обычно сигналили нам, когда мы ходили группами, из окон высывались парни и звали прокатиться с ними, а монахини кричали им, чтобы те оставили нас в покое. Но здесь все было иначе. Возможно, водитель узнал меня или дорогу, по которой я шла.

Я вышла к развилке. Справа начинался мост через узкую речку, который тянулся дальше к другому берегу. Слева грязная дорога поднималась вверх по